

Продолжение. Начало в № 7–12 за 2017 год, № 1 за 2018 год

Рисунки Марины Медведевой

— Так, не расслабляйся, сейчас удали плаценту и аккуратно зашей матку и операционную рану. Mamochka, вы меня слышите? Как вас зовут? — продолжал говорить Анатолий Федорович, периодически то открывая, то закрывая глаза. — Не слышу, говорите громче, — повторил профессор.

— Белла, — донеслось еле слышно из-за занавески на операционном столе.

— Запомните, дорогая, дочку Ивановой или Яной назовите, в честь врача, который вас с дочерью сегодня спас, — неожиданно произнес Анатолий Федорович и, держа руки перед собой, как слепой, вышел из операционной.

«Белла, Белла», — стучало в Ваниной голове, пока он накладывал послеоперационные швы. «Имя редкое, неужели та самая Белла? Да и по срокам родов подходит. Ведь почти девять месяцев прошло с той их ночи с Джоном».

Иван закончил шить — и отодвинул шторку между головой

роженицы и операционным полем. На него смотрело знакомое лицо, обрамленное рыжими кудрями.

— Ваня, ты откуда здесь взялся? — прошептала женщина и заплакала.

— Я здесь работаю, Белла, я врач-акушер. С тобой и с дочкой все будет хорошо, не волнуйся, — произнес Иван и понял, что он таки навсегда свяжет свою жизнь с родильным блоком и станет врачом-акушером.

С тех пор Белла с маленькой Яной частенько бывала в гости у четы Герцевых-младших, особенно после того, как Надя родила сына Михаила. Мальчик и девочка вначале катались в соседних колясках, когда мамы гуляли с ними по бульварам, потом играли в одной песочнице, а позже в казаков-разбойников на даче Герцевых в Никольском. Причем Яна всегда была предводителем поселковых мальчишек. Она таскала для них яблоки, конфеты — и угощала каждого. Придумывала планы войну-

шек с засадами, обходами и ловушками, а Миша поддерживал силой ее авторитет и готов был первым исполнить любой приказ девочки.

Однажды мальчишеская команда под предводительством Яны взяла в плен настоящего Карсона — актера Московского театра сатиры Спартака Васильевича Мишулина, который частенько приезжал на свою дачу в Никольском. Совсем не толстый в жизни, но очень добрый и смешной, Спартак Васильевич выкупил себя из «детского плена», пообещав ребятам провести их за кулисы театра во время знаменитого спектакля «Малыш и Карлсон, который живет на крыше». Так Яна впервые попала за кулисы театра и влюбилась в него навсегда.

Яна и Миша учились в разных школах, но встречались почти каждый вечер. Ходили на спектакли в Театр сатиры и Ленком по контрамаркам или просто так, поскольку там служили «дяди Саши»: Александр Ширвиндт — в Театре сати-

ры, а Александр Збруев — в Театре Ленинского комсомола. «Дяди Саши» были «птенцами» роддома Грауэрмана и большими друзьями профессора Зыкова и Ивана Михайловича Герцева.

Яна была худенькой, рыжеволосой, как мать, и очень подвижной девушкой, Миша же вырос спокойным, сильным и молчаливым парнем. Девчонка постоянно влипала в какие-то передраги: то повздорит с «тусовочной» компанией на улице Горького, то бросится в драку защищать слабого, — а Миша вытаскивал ее

Янина мама, Белла Марковна Гурвич, работала переводчиком в журнале «Иностранная литература», проживала со своей старенькой матерью и дочерью в малюсенькой квартирке у Красных ворот, так и не выйдя замуж. В ее доме часто собирались поэты, писатели, художники и другие свободно мыслящие личности, обсуждавшие на кухне превратности жизни. Слова «свобода», «демократия», «железный занавес», «диссиденты», «самиздат», «радиостанция “Голос Америки”» и «как бы

СССР, ведь у него дед — генерал КГБ! Для него любовь к Родине важнее, чем привязанность ко мне! Ты же сама прекрасно знаешь эту семейку Грибковых-Герцевых! Главное для них — это долг и честь! Если хочешь, бери бабушку и уезжайте! — яростно отвечала Яна на все предложения матери об отъезде из Советского Союза. Белла Марковна грустно вздыхала и думала о том, как Яночка напоминает ее саму в молодости.

Яна и Миша учились на четвертом курсе, когда Советский Союз начал войну в Афганистане, откуда стали приходиться страшные слухи, первые гробы, именуемые «грузом 200», наркотики и дубленки. Мальчишки, призванные на срочную службу в армию, писали заявления о добровольном переводе в ограниченный контингент советских войск в Афганистане, а их матери посидели и выплакали все глаза, ожидая своих сыновей. Другие матери, дети которых только должны были призываться в армию, побежали кто в ОВИР подавать заявление на выезд за границу на постоянное место жительства, кто к психиатру или другому врачу, чтобы по здоровью освободить своих чад от призыва.

В третье воскресенье мая Миша Герцев традиционно встречался со своими одноклассниками в парке Горького, и, конечно, Яна была с ним. Ребята были рады собраться вместе, поболтать, посмеяться, поиграть в «чепуху» и любимого «зеленого крокодила». Игра заключалась в том, что одна команда придумывала сложное слово и молча, жестами, пыталась передать его смысл второй команде, а та, в свою очередь, должна была это слово отгадать. Когда молодежь наигралась и нахохоталась вдоволь, один из парней, Коля Арсентьев, вдруг сказал:

из этих, мягко говоря, приключений, зачастую пользуясь не только силой своих кулаков, но и связями своего деда генерала Бориса Павловича Грибкова, который называл подругу внука не иначе как «Царапина».

После окончания школы Яна поступила в «Щепку», а Михаил продолжил врачебную династию, став студентом Первого Меда. Несмотря на абсолютно разных друзей и интересы, ребята продолжали дружить и беречь свою первую любовь. Да, да, у них была любовь, яркое и сильное юношеское увлечение, такое, какое испытал и память о котором бережет в своей душе почти каждый.

свалить за границу» маленькая Яна впитала с детства. Кроме того, с конца шестидесятых Румыния начала выпускать евреев в Израиль и Америку, а с середины семидесятых наступила очередь и для евреев СССР. Их лишали советского гражданства, государственных премий, орденов, медалей, клеймили позором как предателей Родины в газетных статьях и на партийных собраниях. Многие друзья Яниной мамы засобирались в эмиграцию, и Белла Марковна начала разговаривать с дочерью на эту тему.

— Мама, даже и не думай, я никуда не поеду без Миши. А Миша никогда не согласится уехать из

— Пацаны, приходите завтра ко мне домой на проводы. В армию я ухожу, зачислили в десантуру, так что повоюю с «духами»!

— Дуб ты, Колька, как был дуболомом, так им и остался. Тебя ведь убить могут! А вот моя мамочка подсутилась полгода тому назад и подала заявление на выезд за рубеж, так что у меня «белый билет»! — перебил одноклассника другой парень, Алик Шифрин.

— Если все уедут, кто Родину будет защищать?! — ответил ему Николай и сжал кулаки.

— Какую Родину? Совок, что ли? — презрительно процедил Алик и сплюнул сквозь зубы.

— Ах ты сволочь, предатель! — закричал Коля и схватил Алика за грудки. Ребят разняли, но вечер был испорчен, и все стали расходиться по домам.

Осенью, в октябре, Колину маму пригласили в военкомат и вручили ей похоронку на сына. Миша Герцев ходил чернее тучи и все время думал о чем-то, даже Яне не удавалось развеселить его. Однажды он посадил ее напротив себя в своей комнате и сказал:

— Яна, я написал заявление в военкомат о призыве на военную службу. Сегодня меня вызвали туда, буду служить в Ташкентском госпитале фельдшером. Понимаешь, мой дед и прадед были военными хирургами, а военным хирургом без боевого опыта стать нельзя. Так что мне надо спешить, а то война в Афганистане закончится, и когда еще начнется другая?! В институте после срочной службы еще успею поучиться. Будешь меня ждать? — спросил Миша девушку, держа ее руки в своих.

— Мишка, какой же ты дурак! Конечно буду! Поцелуй меня, я хочу ждать тебя не просто твоей девушкой, а твоей единственной, любимой женщиной! —

прошептала Яна и начала расстегивать пуговицы его рубашки.

Через неделю Мишу забрали в армию. Его мама, Надежда Борисовна, плакала, а отец, Иван Михайлович, крепился, обнял сына напоследок и сказал ему:

— Береги себя, сынок, а за Яну не волнуйся, она девочка правильная, да и мы с матерью о ней позаботимся.

В конце июля следующего года Яна в том же роддоме на Арбате, где появилась на свет сама, родила сына, которого назвала Иваном. Роды принимал сам профессор Иван Михайлович Герцев, радуясь рождению внука-крепыша и вспоминая слова своего отца Михаила Михайловича Герцева: «У нас, у Герцевых, рождаются только мальчики!»

Михаила известили о рождении сына, и он должен был со дня на день прилететь в отпуск, но прошла одна неделя, вторая, а от него не было никаких вестей. Надежда Борисовна ежедневно молилась в храме Архангела Михаила в Никольском, просила главу воинства небесного защитить ее сына. В середине августа, душным вечером, в дверь Герцевых позвонил человек в военной форме с погонами полковника медицинской службы. Иван Михайлович спокойно подошел к двери и распахнул ее перед незнакомцем. Вдруг из кухни выбежала Надежда Борисовна, оттолкнула мужа и бросилась на пришедшего полковника, схватив его за лацканы форменного кителя:

— Что с Мишей? Где мой сын? Он жив? Говорите немедленно, не молчите!

— Ваш сын, гвардии старший сержант Михаил Герцев, пропал без вести при исполнении боевого задания! — прохрипел военный, даже не пытаясь отвести руки женщины, яростно рвавшей пуговицы с его

кителя. — Пропал без вести... Пропал без вести... — как заезженная пластинка, повторял полковник.

Надежда Борисовна, оторвав все пуговицы и выбросив их вниз по лестнице, неожиданно успокоилась, развернулась и ушла вглубь своей квартиры.

— Пропал без вести! Я понимаю, большое горе для родителей! Честь имею! — пробубнил бледный, растрепанный военный и ринулся вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки.

— Ты, Яночка, дочка, не дури, — ласково сказал Иван Михайлович зарывавшей молодой женщине. — Тебе надо хорошо есть, спать и маленького Ванечку кормить. Он у нас один теперь на всех остался.

На все запросы, подаваемые Иваном Михайловичем, в том числе и по каналам своего тестя генерала Грибкова, приходил один и тот же ответ: «Михаил Иванович Герцев, 1958 года рождения, пропал без вести».

Через год Яна со своей матерью Беллой Марковной, бабушкой и маленьким Ваней уехали из СССР на постоянное место жительства в США.

— Простите меня, Надежда Борисовна и Иван Михайлович, что я увожу от вас Ванечку, — сказала она Мишиным родителям напоследок. — Но я не хочу, чтобы мой единственный сын вырос в этой стране, пошел на войну и там погиб!

14. ВСТРЕЧА В ТРАМП-ТАУЭР

На следующий день после арт-перформанса «Твоими глазами» Иван Михайлович Герцев договорился встретиться с Беллой Марковной Гурвич в самом центре Манхэттена, рядом с Таймсквер, в старом ирландском пабе. Виделись они в последний раз в прошлом году, в Москве,

куда Белла приезжала вместе с внуком Ваней — или Айваном, как его называли в Америке.

Айван закончил высшую медицинскую школу и хотел стать, по старой семейной традиции, военным хирургом. С Иваном Михайловичем и Надеждой Борисовной Герцевыми, своими бабушкой и дедушкой, он общался довольно часто. В детстве это были письма и редкие телефонные звонки, потом Ваня вместе с бабушкой Беллой в середине девяностых приехал в Москву и полюбил этот такой не похожий на Америку город. Каждое лето он проводил почти месяц на даче в Никольском, а центр Москвы исходил вдоль и поперек. Хорошо говорил по-русски, частенько прибегал встречать деда с работы, поджидая у роддома Грауэрмана, где родились его родители и он сам. Сейчас Айван служил в американском военном госпитале во Франции, но общался по Интернету с Иваном Михайловичем и Надеждой Борисовной почти каждый день.

Иван Михайлович увидел Беллу через огромное окно паба, вскочил и поспешил к ней навстречу. Они обнялись и сели за столик.

— Белла, ты прекрасно выглядишь сегодня, такая румяная и энергичная! Как тебе это удастся? Выпьешь что-нибудь? — спросил он и взял женщину за руку.

— Только воды, пить хочется, я приехала специально на нашу встречу немного пораньше, чтобы погулять по Таймс-сквер, люблю этот перекресток миров! — ответила Белла и забрала свою ладонь из рук Ивана Михайловича.

— Какая ты молодец! А я вот устаю уже от большого города, да и хожу с палочкой! Так что выпью-ка я лучше пива! — сказал Иван Михайлович и сделал заказ.

— Ваня, я же коренная москвичка, жить без энергии

большого города совсем не могу. Когда начинаю закусить в своем Нью-Джерси, краски жизни меркнут, хочется спать круглые сутки в теплой и мягкой постели, короче, когда начинаю болеть, хандрить и плевать злобой на окружающих — я приезжаю побродить по Таймс-сквер и подзарядить свои батарейки! — рассмеялась Белла и залпом выпила стакан минеральной воды.

— Как это? Объясни подробнее, — удивился Иван Михайлович, с удовольствием отхлебывая пиво из бокала.

— Да сама не знаю, как только мои ноги ступают на мостовую Таймс-сквер, я ощущаю подпитку: от окружающих меня вечно спешащих ньюйоркцев и разинувших рты туристов, от сумасшедшего, льющегося и мигающего света огромных реклам, от все время что-то предлагающих купить людишек и даже от конной нью-йоркской полиции. Помню, когда я приехала прошлой весной в Москву, в свой родной город с такой же бешеной энергетикой, меня поразило, что практически полностью отсутствует реклама, и я почувствовала ошеломленность города. Хотя Москва с ее древней архитектурой может позволить себе предстать и без рекламы, обнаженной. Обнаженной, пожалуй, именно в эротическом смысле. И возраст Москвы только добавляет ей привлекательности: древний Кремль, Покровка, Замоскворечье — такую статичную, почти целомудренную красоту никакая нагота не испортит. Нью-Йорк же иной, он очень сексуальный, динамичный, рвущийся вверх и все время меняющийся, как сама природа. Здесь все бежит, и все спешат, все покупается и продается, разрушается и возрождается. Нью-Йорк — это бесконечный источник, который позволяет напиться энер-

гии каждому, кто ступил на его землю. Глядя на эти огромные тонкие экраны, закрывающие все фасады зданий Таймс-сквер, я еще больше чувствую хрупкость материального мира, скорость которого все увеличивается. Мне кажется, что на нашей планете именно Таймс-сквер набрал максимальную скорость и готов перейти уже в другое измерение, — страстно объясняла Белла.

— Беллочка, какая ты фантазерка! Надеюсь, это отрывок из нового романа? — улыбнулся Иван Михайлович.

— Да ну тебя, Ванька, вот любой экспромт разобьешь. Конечно, это из моей новой повести! Должна же я что-то делать на пенсии, да и по Айвану скучаю, вот и развлекаюсь графоманией! — фыркнула Белла.

— Ну, ну, не скромничай, издатели за твоими приключенческими романами, насколько мне известно, почти в очереди стоят, — подбодрил Иван Михайлович старую подругу. — А знаешь, родная, куда мы сейчас пойдем? Ни за что не догадаешься!

— Ну почему же, я не знаю, я чувствую, сердце так и выскакивает из груди! Ведь ты вчера встречался с Джоном Кором и решил организовать нашу встречу. Я права? — тихо проговорила Белла, теребя руками скатерть на столе.

— Я всегда утверждал, что ты очень умная женщина, но для Джона это будет сюрприз! Понимаешь, я посмотрел вчера на него, такого успешного и знаменитого, но очень одинокого человека. Как акушер с пятидесятипятилетним стажем, я могу утверждать, что каждый человек должен оставить в этом мире своего биологического потомка, в этом единственный смысл жизни, а все остальное — «развлечение от скуки бытия». И ты не вправе делать

жизнь Джона пустой и бессмысленной! Это жестоко! — убеждал Иван Беллу, твердо глядя ей в глаза.

— Хорошо, Ванечка, только не нервничай, я пойду на встречу с Джоном! Если бы ты знал, сколько раз я ее себе представляла! — ответила Белла Марковна и встала из-за стола.

Белла взяла Ивана под руку, и они пошли по направлению к Пятой авеню. У Трамп-тауэр Иван Михайлович остановился.

— Нам сюда, только вход в жилую часть этого великолепного здания находится за углом, на Пятьдесят шестой улице. Здесь на сорок шестом этаже живет Джон.

— Ого! А наш Джон действительно богат и знаменит, в этом роскошном небоскребе других не бывает! Да, где наша не пропадала, пошли! — выпалила Белла и решительно шагнула вперед.

Пожилые мужчина и женщина, бережно поддерживая друг друга, зашли в вестибюль и назвали фамилию жильца, к которому они направлялись. Охранник проводил их к лифту, нажал кнопку с номером 46 и пожелал хорошего дня. Белла и Иван вышли в холл через почти бесшумно откатившуюся дверь лифта и увидели стоявшего у открытой двери своей квартиры Джона.

— Здравствуй, Иван, как хорошо, что ты пришел ко мне в гости с супругой. Почему вчера ничего об этом не сказал? Хотел сделать сюрприз? Здравствуйте, Надежда, я старый друг вашего мужа, Джон! — быстро проговорил маэстро Кор и галантно поцеловал даме руку. — Добро пожаловать в мою холостяцкую берлогу, очень рад нашему знакомству! — Джон двинулся вперед, показывая гостям дорогу, а Белла посмотрела на Ивана и приложила палец к губам.

Перед гостями предстала огромная комната, внешние стены которой были сконструированы исключительно из стекла. Открывавшиеся виды на Манхэттен и его центральный парк поразили и изумили гостей величественной красотой.

— Ну, налюбовались, вижу по вашим лицам, что очень понравилось. С таким обзором я могу снимать кино прямо из окон, не выходя на улицу, и все время будет что-то новое и потрясающее! Устраивайтесь поудобнее, вот сюда, в кресла! — радостно заботился о гостях хозяин квартиры. — Здесь я приготовил немного различных салатов и закусок для вас. Все-таки время обеда. Хочу похвастаться, какой я повар. Будучи холостяком и путешествуя по всему миру, я научился готовить много разных интересных блюд. Пробуйте! Что вы будете пить? Вино красное или белое?

— На твое усмотрение, Джон! — пробубнил Иван Михайлович, растерянно глядел на Беллу, не понимая, для чего она решила подыграть ошибке хозяина.

— Вы знаете, Джон, теперь, в эпоху Интернета, многие ваши документальные фильмы можно посмотреть в Москве, — завела светскую беседу Белла. — Особенно мне понравился последний — о слонах Намибии. Как вам удалось заснять такие потрясающие кадры? Слониха с неподражаемой нежностью мыла песком пустыни своего слоненка и с отвагой защищала его от прайда охотившихся львов! Ведь наверняка было очень опасно снимать это с близкого расстояния?

— Работа оператора-документалиста — вообще небезопасная штука! А Намибию я люблю, в отличие от остальной Африки. На этом континенте жизнь человека оценивается в коровах, бы-

ках, шкурах львов! — произнес Джон. — К примеру, в этой стране, на границе с Анголой, живут племена хинба. Женщины их фантастично красивы. Если жена убивает мужа, то ее никто не наказывает, просто любой мужчина племени теперь может прийти в ее дом. А вот если мужчина убивает свою жену, то он платит ее семье штраф в виде определенного количества коров, которое определяет совет старейшин. При этом Намибия самая, если так можно сказать, “чистая” африканская страна с достаточно неплохим атлантическим климатом. Это бывшая немецкая колония, и в ее столице, Виндхукке, улицы моют с мылом, а небольшой городок на юго-западном побережье Африки, Уолфиш-Бей, вообще считается первоклассным курортом. Правда, к югу от города начинается алмазная зона, куда проход запрещен. В самом же центре страны расположена знаменитая пустыня Намиб, вот здесь-то, в адском климате, и живут злые африканские слоны, львы, носороги и жирафы. После пятидневных мытарств по этому песчаному океану нашей съемочной группе посчастливилось очень близко снять охоту львиного прайда на слоненка, которую вы и видели. Но если вы хотите просто поехать посмотреть животных, то это лучше делать в национальном парке Этоша. Там хорошие отели, еда, цивилизация, много пеших безопасных маршрутов, где можно наблюдать белых и черных носорогов, множество антилоп, буйволов, куду, газелей, жирафов и даже леопардов.

— Я помню эти названия еще из детских книжек про приключения жестоких пиратов на Берегу Скелетов, — вставила в плавную речь Джона небольшую ремарку Белла.

Продолжение следует.
США